

- не допускать переключения на индивидуальный контроль. Это может привести к изменению ритма урока и снижению эффективности в работе;
- задавать вопросы всей группе, затем называть фамилию студента, которому предстоит отвечать;
- темп опроса должен быть достаточно высоким, что активизирует мыслительную деятельность студентов, обеспечивает быстроту реакции. Если студент испытывает затруднения с ответом, следует обратиться за помощью к другому студенту, а не переходить на индивидуальную форму работы со студентами.

Планомерное осуществление контроля позволяет преподавателю определить качество усвоения изученного материала, привести в систему усвоенный студентами материал, выявить успехи в учении, пробелы и недостатки в знаниях, умениях и навыках как у отдельных студентов, так и у всей группы в целом. Анализ результатов контроля за учебной деятельностью студентов служит для преподавателя основой определения состояния учебной работы и мер, необходимых для ее совершенствования. Контроль, осуществляемый преподавателем, в сочетании с самоконтролем дает возможность каждому студенту видеть результаты своей учебной деятельности и принимать своевременные меры к устранению выявленных недостатков.

Таким образом, контроль знаний, умений и навыков студентов, оказывая сильное влияние на учебный процесс, является средством повышения качества обучения студентов.

Литература

1. Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). – М.: Русский язык, 2006.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогических технологий. – М.: Педагогика, 1989.
3. Приходько В.М., Мануйлов В.Ф., Луканин В.Н., Смирнов С.А., Шленов Ю.В., Федоров И.В., Вражнова М.Н. Высшее техническое образование: мировые тенденции развития, образовательные программы, качество подготовки специалистов, инженерная педагогика \ Под ред. В.М. Жураковского. – М., 1998.
4. Талызина Н.Ф. Теоретические основы контроля в учебном процессе. – М.: МГУ, 1983.
5. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-технический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). – М., 2002.

Н.И. Кутина

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ - КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ XXI ВЕКА

Лингвистика конца XX – начала XXI веков активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, направление, в котором человек выступает в качестве естественной точки отсчета. Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной. Теоретическая концепция данной научной парадигмы была впервые предложена В. фон Гумбольдтом: «Язык – это сила, делающая человека человеком. Это мир, который лежит между миром внеш-

них явлений и внутренним миром человека» и в котором осуществляется интерпретация мира человеком [Гумбольдт, 1984: 11].

Язык является конститутивным свойством человека, так как невозможно представить человека без языка и изобретающего себе язык. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Текст, создаваемый им, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику этой мысли и способы её представления с помощью средств языка. «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком. И язык, таким образом, входит в само определение человека» [Бенвенист, 1974: 293].

По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 28]. Язык является путеводителем, который приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры [Сепир, 1993: 261]. Поэтому триада «культура – язык – нация» (или национальная личность) признается центральным моментом, в котором сходятся и могут быть решены важнейшие проблемы лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики.

Языкознание становится сегодня все более «человечным» и подтверждает слова академика Б.А. Серебренникова, который прогнозировал и угадал «человеческое» развитие филологической науки: «При антропологическом подходе к изучению языковых явлений необходимо решение такой фундаментальной задачи, как определение влияния человека на его язык и языка на человека, его мышление, культуру, его общественное развитие в целом» [Серебренников, 1988: 9].

Антропоцентрическая парадигма, сложившаяся на рубеже тысячелетий позволяет одновременно анализировать человека в языке, т.е. исследовать языковую картину мира и язык в человеке, т.е. изучать языковую личность. Е.В. Падучева в предисловии к книге А. Вежбицкой пишет, что «... язык антропоцентричен: он предназначен для человека...; это общая черта для всех языков» [Падучева, 1997: 22].

На современном этапе развития общества человек выступает, с одной стороны, как венец природы, которому нет равных, он обладает уникальными способностями. С другой стороны, он универсален, ему не чужды ни космос, ни грубые инстинкты, ни утонченная, возвышенная деятельность. Духовный мир человека – это его внутренняя доминанта, она проявляется в различных формах его деятельности: в игре, труде, творчестве. В итоге он оказывается существом социальным, общественным. Человек – это единое целое, состоящее из различных частей: каждая конкретная личность одновременно объединяет в себе биологическое, действующее, разумное, чувственное, рациональное и этическое существо. Такие философские определения человека, как *homo sapiens* (человек разумный), *homo faber* (человек создающий), *homo loquens* (человек говорящий), *homo sociologicus* (человек социологический), *homo psychologicus* (человек психологический), *homo agens* (человек действующий) возникли в процессе исследования природы

человека и являются различными этапами на пути постижения его сущности.

Для нашего исследования важным является положение, согласно которому человек представляет собой часть реального мира и изучается с позиций как «внутренний» человек и «внешний» человек. Подобное деление условно, но оно позволяет выделить и описать модели внутреннего и внешнего человека единицами языка. Под внутренним человеком или внутренним миром человека признаются свойства характера, интеллект, а также эмоциональные состояния, а внешнего человека – внешность (физический облик), физиологические состояния, социальный статус, поступки [Гергокова, 2004: 38]. В формировании семантической структуры языковой модели внешнего человека участвуют различные подсистемы зрительного восприятия – цвет, размер, форма, свет, создавая яркий наглядный образ человека – его внешний облик. Информацию же о внутреннем человеке мы получаем не из реального мира, а благодаря его внешним проявлениям: действиям и поступкам.

Базисным понятием антропологически ориентированной лингвистики является «языковая личность». Термин «языковая личность» ввел известный лингвист Ю.Н. Караулов [Караулов, 2002: 22]. Языковая личность – та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка, одновременно разрушая границы между дисциплинами, изучающими человека [Караулов, 1987: 3]. Познать язык можно только обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности. Языковая личность выражена в языке и через язык, она реконструирована в основных своих чертах на базе языковых средств. Ю.Н. Караулов выделяет в её структуре три уровня. 1) вербально-семантический; 2) когнитивный (тезаурусный); 3) мотивационный. Первый уровень ученый называет «нулевым»; он включает в себя слова, вербально-грамматическую сеть, стереотипные сочетания. В большей мере индивидуальность языковой личности проявляется на втором уровне – в построении иерархии идей, концептов. Высший, мотивационный уровень языковой личности связан с её «деятельностно-коммуникативными потребностями».

Процесс формирования языковой личности проявляется и при изучении чужого языка, так как большая часть информации о мире поступает к человеку по лингвистическому каналу, через слово, поскольку язык является важнейшим способом формирования, хранения и передачи знаний о мире. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира».

Понятие языковая картина мира (ЯКМ) предполагает, что мир – это не что иное, как человек и среда в их взаимодействии. Следовательно, ЯКМ – это результат переработки информации о среде и человеке. По мнению И.А. Стернина, ЯКМ – это упорядоченная совокупность зафиксированных в единицах языка представлений о действительности на определенном этапе развития народа [Стернин, 2003: 5].

Ю.Д. Апресян подчеркивает донаучный характер языковой картины

мира, называя её наивной картиной, т.к. она (ЯКМ), дополняя объективные знания о реальности, часто их искажает. Она «наивна» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. «При этом наивные представления отнюдь не примитивны» [Алресян, 1995: 39]. Если концепция научной картины мира сформировалась сравнительно недавно, то мысль об особом языковом мировидении (наивное представление о мире) была сформирована В. фон Гумбольдтом, который писал, что, постигая предметы, человек сближается с внешней природой и самостоятельно развертывает свои внутренние ощущения в той мере, в какой его духовные силы дифференцируются, вступая между собой в различнообразные соотношения, что запечатлевается в языкотворчестве [Гумбольдт, 1984. 104].

Каждый естественный язык – это определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая и «навязывается» в качестве обязательной всем носителям языка, куда непременно влигается и национально-культурный опыт конкретной языковой общности, тем самым формируя мир говорящих на данном языке. То есть, ЯКМ выступает как совокупность знаний об экстралингвистической действительности, отраженная в лексике, фразеологии, грамматике.

Согласно утверждению И.А. Стернина, функция языковой картины мира заключается в знаниях, существующих в виде значений языковых знаков и образующих совокупное семантическое пространство языка [Стернин, 2003: 6]. Картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария. С помощью последнего же создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения.

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора. На самом деле специфические особенности национального языка, фиксирующие уникальный общественно-исторический опыт определенной общности людей, создают для них не какую-то иную, неповторимую картину мира, а лишь специфическую окраску этого мира. Эта окраска обусловлена национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой образа жизни и культуры конкретного народа.

Запечатленный в лексике национального языка «отраженный мир» несет в себе информацию об особенностях национальной ментальности, специфического способа восприятия и понимания действительности. Языковая картина мира, выполняя требования познавательного (когнитивного) процесса, эксплицируется через национальный лексикон, представляющий в виде национальной языковой картины мира, через описание как внешней, так и

внутренней системности лексики.

Согласно классификации О.А. Корнилова, внешняя по отношению к слову системность лексики описывается на четырех уровнях. На первом уровне все лексические средства языка распределяются по трем областям в зависимости от характера соотношенности именуемых концептов с объективным миром: область имен реальных объектов, область имен субъективно-оценочных категорий и область имен мифических категорий. На втором уровне происходит структурирование каждой из областей посредством распределения лексики по микросистемам, основным типом (но не единственным) которых можно считать лексико-семантическую группу (ЛСГ). На третьем уровне происходит организация всей совокупности лексических микросистем в идеографическую классификацию всей лексики, в которой каждое из объединений слов приобретает статус схемы национального семантического универсума. Идеографическая классификация, таким образом, является «скелетом» национальной языковой картины мира. На четвертом уровне устанавливаются все связи каждой лексической единицы по трем направлениям семантического пространства: парадигматическому, синтагматическому и деривационному [Корнилов, 2000: 8-10].

Внутренняя системность лексики описывается через структурирование значения отдельных лексических единиц (см. о функции ЯКМ). На первом этапе происходит определение лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова (полисемия), и далее – экспликация значения ЛСВ многозначного слова (или моносемичного слова).

В нашем исследовании используются описанные выше оба уровня внутреннего структурирования лексики, а также третий и четвертый уровни внешней системности лексики.

По мнению А. Вежбицкой, «языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей», так как язык и его составляющие служат единственным доступным средством передачи знаний, опыта последующим поколениям или другим народам [Вежбицка, 1997: 292].

ЯКМ включает в себя и фразеологическую картину мира – национально-маркированный фразеологический корпус, выступающий результатом непосредственного отражения культурных процессов [Хайруллина, 1996].

Фразеология (названная выше языкотворчеством) относится к тем областям языка, которая, занимая определенное место в ЯКМ, наиболее интенсивно участвует в создании её национально-специфического колорита. Фразеология может рассматриваться как один из способов «языкового мирозидения», что является основанием, по мнению Н.Н. Кирилловой, говорить о существовании в каждом языке фразеологической картины мира [Кириллова, 2003: 83-84].

Фразеологическая картина мира упорядочена по признакам сходства и различия со структурами, образованными на базе единиц лексико-семантической системы языка – словосочетаниями и предложениями. Фразеологические единицы заполняют пространство между словом – номинативной единицей и предложением – коммуникативной единицей и с точки зрения системы языка являются «избыточными» единицами» [Пономарева,

2002: 1]), занимая положение надстройки лексического уровня, и играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». К фразеологии некоторые ученые также относят пословицы и поговорки, поскольку они характеризуются и воспроизводимостью в готовом виде, и идиоматичностью относительно того «прямого» значения, которое выражено в буквальном смысле таких выражений [Телия, 1996: 73-74].

Фразеология, по мнению отечественных и зарубежных ученых, - одна из самых «консервативных» языковых систем. В отличие от лексики она менее подвержена языковым изменениям, сохраняя в себе устаревшие слова, архаические грамматические формы и синтаксические конструкции. Эта особенность формальной стороны ФЕ характерна и для их содержания: связь с реалиями, фактами истории, традициями и т.д. [Бирих, 1995: 115; Gläser, 1998: 125].

Благодаря фразеологии лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание и помогает другим народам увидеть и понять особенности «своего» менталитета, поскольку фразеологический состав языка является одним из способов функционирования внеязыковых знаний [Маслова, 2001: 89]. Фразеологизмы, выступающие как «языки культуры» подтверждают мысль Сепира-Уорфа о том, что язык, и в большей степени его фразеологический состав, «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание. Фразеологическая картина мира является результатом специфического способа переосмысления отображаемой действительности, выраженная устойчивыми оборотами языка. Фразеологические единицы обладают способностью аккумулировать и передавать накопленный опыт последующим поколениям, что в значительной степени предопределяет специфическое восприятие мира, основанное на донаучных знаниях, порой вступающих в противоречие с научными представлениями. Это характеризует фразеологические единицы как следствие результатов наивной анатомии.

Устойчивые стереотипические словосочетания (иногда фразы) часто представляют собой структуры, отражающие определенные периоды состояния и развития каждого конкретного языка, его историю [Черданцева, 1996: 58]. Жизнь этих языковых единиц в речи позволяет наблюдать формирование и рождение новых знаков, благодаря использованию собственных ресурсов, накопившихся в языке, а также проливает некоторый свет на процесс образования новых значений и даже новых слов. Например, фразеолокса *paille* фразеологизма *enlever la paille* 'пользоваться успехом; быть замечательным, выдающимся' коррелирует не с современной лексемой *paille* 'солома', а с устаревшей лексемой *pail* 'вид сукна'.

Таким образом, через изучение языковой и фразеологической картин мира возможно познание языков и культур, окружающего человека мира и самого человека. При помощи них объективируется ментальная деятельность человека и вербализуются её результаты, то есть фиксируются знания, хранятся и передается опыт всех предыдущих поколений в виде языковых единиц. В этом процессе велика роль этноса. Процесс фиксации накопленного и приобретенного опыта в ЯКМ универсален и избирателен: с одной стороны, это проявляется в способности человека объективно отра-

жать окружающую действительность, и, с другой – запечатлеть только то, что является важным для конкретного народа. Поэтому ЯКМ является общей, универсальной для всех, а фразеологическая картина мира у каждого народа своя, неповторимая, призванная передавать специфическое отражение опыта конкретного народа.

Для нас в работе интересен человек в человеке и человек в языке, потому что язык является единственным средством, способным помочь проникнуть в сокровенное. Язык как необходимое условие речевой деятельности может рассказать о человеке то, о чем он сам не догадывается.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Языки русской культуры. Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Том I. – 472 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист / Под ред. с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Бирих А.К. К истории и этимологии русских фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Ф.П. Сороколетов, Л.И. Степанова // Национальные лексико-фразеологические фонды: Сб. ст. – СПб.: Сиб. наука, 1995. – С. 115-121.
4. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртэнэ. – М., 1963. – Т.1. – 400 с.
5. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка / Отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
6. Гергокова Ж.Х. Фразеологическая концептуализация понятия «человек» (на материале карачаево-балкарского, английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гергокова Жанета Хизыровна. – Нальчик, 2004. – 193 с.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт / Пер. с нем. под ред. с предисл. Г.В.Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, отд-ние литературы и языка. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., стереотип. – М., 2002. – 270 с.
10. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: Монография / Н.Н. Кириллова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – Ч.1: Природа и космос. – 319 с.
11. Корнилов О.А. ЯКМ как отражение национальных менталитетов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 24.00.04 / Корнилов Олег Александрович. – М., 2000. – 41 с.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
13. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2001. – № 4. – С.23-44.
14. Пономарева Т.В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Пономарева Татьяна Викторовна. – М., 2002. – 25 с.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 205 с.
16. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
17. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / И.А. Стернин. – Воро-

неж: ВГУ, 2003. – 60 с.

18. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

19. Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями): Пособие по спецкурсу. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

20. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) / Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – №1. – С.58-69.

21. Glaser R. The stylistic Potential of Phraseological Units in the light of Genre Analysis / R. Glaser // Phraseology: Theory, Analysis and Applications. - New-York: Ed: by A.P. Cowie Oxford Clarendon Press, 1998. – P.125-143.

Н.И. Купина

«БЕЗРОДНЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ (на материале французского языка)

Ещё в 20-е годы Е.Д. Поливановым была выдвинута идея о необходимости выделения фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину: «фразеология займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т.п.) в лингвистической литературе будущего...» [10: 11].

Фразеологический состав языка, безусловно, обладает определенной упорядоченностью по признакам сходства и различия со структурами, образованными на базе единиц лексико-семантической системы языка – словосочетаниями и предложениями. Фразеологизмы как бы заполняют пространство между словом – номинативной единицей и предложением – коммуникативной единицей. Фразеологизмы с точки зрения системы языка, являющиеся «избыточными» единицами» [12: 1], занимают положение надстройки лексического уровня и играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – «зеркало жизни нации». Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями говорящего на данном языке народа. Фразеологизмы приписывают объектам не только признаки, которые ассоциируются с картиной мира, но и подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст) (в отличие от слова), оценивают её и выражают к ней отношение. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его деятельности. По признанию В.Г. Гака во фразеологии французского языка употребляются преимущественно слова, обозначающие наиболее распространенные, близкие человеку понятия, такие как, ресницы, гортань, железы и т.д. [3: 251]. Мы придерживаемся положения о том, что фразеологизмы выступают и как языковой, и как ментальный феномен одновременно. Фразеологический корпус – это неповторимая, национально-маркированная, идиостническая (термин Н.Н. Кирилловой), «фразеологическая картина» языка, выступающая результатом непосредственного отражения культурных процессов, и являющаяся частью языковой картины мира того или иного народа.

Благодаря фразеологии лингвокультурная общность идентифицирует